

ТРИ СВАДЕБНЫХ НАПЕВА (моноспектакль Ольги Александровой)

Наталья Казьмина

«Три свадебных напева» сотканы из песен и снов, обрядов и молитв, чужих русскому уху. Основаны на фольклоре и сыграны на удмурдском языке. Но безо всякой мистики сюжет ясен от первого звука до последнего вздоха. Ольга Александрова, актриса и режиссер, всерьез изучавшая финно-угорский фольклор и этнографию, не просто соединила в спектакле национальные обрядовые песни и танцы, которые во всяком народе исполняют по главным поводам в человеческой жизни (при рождении и смерти, болезнях и родах, на свадьбах и похоронах), но сплела из них сюжет — о круговороте человеческой жизни: вечный сюжет, легко способный скатиться в банальность, сюжет, требующий высоких слов, и именно поэтому часто оказывающийся «общим местом». Актриса сумела превратить его в мистерию. Перестав быть главным средством выразительности, язык стал музыкой. Непонятный поначалу, он зазвучал и шумом ветра, и морским прибоем, и гортанным речитативом шамана, и нежной материнской колыбельной, и детским лепетом, единым на всех языках мира, и голосом Ангела, и шипением Черта. То есть стал проводником нашего чувства.

Это эпический театр. Пустое пространство и поющая девушка.

Белый платок, расшитый халат, деревце за плечами, звенящее колокольчиками. Шаманка с бубном и ее гигантская тень на стене. В одном лице актриса и сказительница, героиня, и создательница спектакля. Она делает несколько кругов по сцене, шепча, голоса, напевая. Причитая, пытается заговорить злых духов? Вернуть себе внимание Бога? И мы — уже на пороге преображений.

Это бедный театр: он умещается в кармане. Из него являются на свет предметы и на глазах оживают, отменяя свою бытовую суть. Бубен вдруг превращается в живот беременной женщины, гудит, двигается и дышит, а потом из кармана выныривает спеленутая фигурка, и становится ясно: человек родился. Один из «листьев»-колокольчиков древа жизни повисает у человечка на груди, и это означает, что человек обрел душу...

Это поэтический театр. Он осмысляет жизнь на уровне мироздания. Как акт и как миг. То есть ощущение скоротечности нашего пребывания на земле не отменяет ни его смысла, ни философии. Так можно рассуждать, если любишь человека. Актриса постоянно заставляет зрителя менять «оптику», сквозь которую следует воспринимать происходящее: и время, и пространство в этом спектакле дышат, то сужая, то раздвигая свои границы. То перед нами — просто бубен, а то он уже целая планета, где человеку предстоит жить. То перед нами просто кусочек дерева, а то он вочеловечивается, и жизнь недвижимой куколочки начинает всерьез нас заботить и напоминать нам нашу собственную. То перед нами — просто актриса, то шаманка, разговаривающая со своим богом, а то и сам Творец: спускается с небес и выбирает человеку жребий: Это комический театр. Человечка выпрастывают из пеленок, качаясь, он встает на ножки посреди бубна, как посреди луга: квадратные плечики, насупленные бровки, маленький членик. Шаманка, что-то приговаривая, обсыпает фигурку монетками как обещанием сытого и счастливого будущего. Монетки дружно перекатываются по коже бубна, словно детский смех по саду. Откуда ни возьмись, является еще одна куколочка, и, узрев ее крутобокие формы, мы без труда понимаем, что это женщина и, конечно, избранница героя. Шаманка читает им нотации, нашептывает слова любви, женит их, стелит им брачную постель, переживает с ними голодную зиму и болезнь, сеет хлеб и собирает урожай, с ними спорит, препирается с Богом, просит совета — как будто она ему обещала присматривать за людьми. Ничего этого на сцене вроде не происходит, но движение жизни

ни на минуту не прекращается. Ты физически ощущаешь, как бежит время, как убыстряет свой бег, как истаивает, будто песок в песочных часах. Твое воображение, растревоженное гортанной музыкой камлания, вне слов и поверх барьеров, рисует эти картинки-сюжеты само собой. В какой-то момент я могла поклясться, что увидела на пустой сцене дерево, почерневшее от набежавшей грозы...

Это трагический театр, ибо начало всякой жизни имеет конец. Шаманка прикрывает лицо черной маской. Вода рукой по шершавой доске, извлекает из нее скрипучий звук беды, и становится ясно, что к человечку пришла старость. И сыплются в бубен уже не монетки, а камушки, и детский смех превратился в старческий вздох. Бубен вращается, как игрушечная карусель, быстрее, быстрее, будто жизнь бежит с горы. А камушки вместо с монетками, наши перепутанные радость и беда, катятся следом: по бубну, на пол, к нашим ногам. Чувство мига и вечности, в присутствии которых

всегда происходит трагедия, слито в этом образе. А потом человек умирает, и его колокольчик-душа снова занимает место на дереве жизни. Тельце опять пеленают, косынка обращается в саван, круг замкнулся: белый сверточек вниз головой повис на толстом вязаном чулке шаманки. И опять актриса меняет «оптику», давая почувствовать, что есть малое, что большое, что стоит, что не стоит слез. Таких сверточков на ногах у шаманки видимо-невидимо. Она бренчит, как колокольцами, телами умерших. Она баюкает, как живых, души усопших. Вторую фигурку, женскую, шаманка укладывает на бубен ничком (вечный любовный сюжет: «Они жили счастливо и умерли в один день») и посыпает ее снегом, белоснежным пухом. Последняя колыбельная бога...

Это живой театр. Может быть, тот самый, священный, о котором говорил Питер Брук: укорененный в традиции и сделавший ее современной, предельно ясный по средствам и предельно метафоричный по смыслу, таинственный и наивный. Спектакль кончился, шаманка исчезала, а на полу осталась кучка рассыпанных камушков и монет — и несколько пушинок, вздрагивающих от нашего дыхания. В сущности, то же, что остается от любой человеческой жизни, — горстка пепла, лоскут тлена. Можно сказать: «Как мало», — а можно сказать: «Как много». И то, и другое актриса продемонстрировала. Причем так, чтобы паразит и случайного прохожего, и искушенного зрителя.